

К 75-летию академика
Валерия Александровича
Тишкова

Человек из народа, строитель гражданской нации: судьба и труды академика В.А. Тишкова

Валерий Александрович Тишков уважаем не только как крупный ученый, труды которого давно и хорошо известны специалистам, причем не только в России, но и как активно отстаивающий свои взгляды мыслитель и общественный деятель. Именно В.А. Тишков является интеллектуальным лидером имеющего неоспоримое общегосударственное значение проекта строительства в Российской Федерации гражданской нации. Сейчас во многих странах усиливаются и набирают популярность национал-изоляционистские тенденции, ставящие под удар и национально-гражданское согласие в отдельных государствах, и стабильный мировой порядок в целом; развивая концепции «многонародной нации», «нации наций», В.А. Тишков борется против аналогичных тенденций в российской политике и общественной мысли. В его уникальной судьбе преломились история науки, государства и общества от дней Второй мировой войны и позднего сталинизма до настоящего времени; этой судьбе на фоне времени и посвящена настоящая статья.

Ключевые слова: этнонационализм, этноплюрализм, гражданская нация, многонациональное общество, устная история.

Валерий Александрович Тишков уважаем не только как крупный ученый, труды которого давно и хорошо известны специалистам, причем не только в России, но – и это кажется мне едва ли не более важным – как публичный интеллеktуал, как активно отстаивающий свои взгляды мыслитель и общественный деятель. Он написал не только два десятка книг, но и сотни статей, опубликованных как в научных журналах и альманахах, так и в массовой периодической печати. Он – единственный из академиков-гуманитариев в стране, кто активно присутствует в социальных сетях, где рассказывает о событиях научной и общественно-политической жизни, в которые вовлечен, излагает свое мнение, слушает другие, полемизирует, объясняет... Как справедливо указывал сам В.А. Тишков в своей лекции «Новая историческая культура», задача ученого-историка – «соединить “злобу” и “доброту” дня в сложном восприятии течения времени, которое вполне естественно не заканчивается с каждой конкретной жизнью и не ограничивается одной культурной традицией. В историческом процессе всегда есть много норм и судий».

В уникальной судьбе В.А. Тишкова преломились история науки, государства и общества от дней Второй мировой войны и позднего сталинизма до настоящего времени. В.А. Тишков – уникальный пример получившего известность ученого, ставшего третьим послевоенным – и первым избранным – директором Института этнологии РАН, а с недавних пор – руководителем Отделения историко-филологических наук РАН, который является также видным общественным деятелем: с февраля по октябрь 1992 г. он был федеральным министром – председателем Государственного комитета по национальной политике, в 2006–2008 гг. – председателем Комиссии Общественной палаты по вопросам толерантности и свободы совести, а в 2008–2010 гг. – заместителем председателя Комиссии Общественной палаты по межнациональным отношениям и свободе совести. Однако за всеми этими статусными маркерами, которых у иных чиновников от науки наберется и побольше, важно отметить главное – именно В.А. Тишков является интеллектуальным лидером имеющего неоспоримое общегосударственное значение проекта строительства в Российской Федерации гражданской нации. Этой теме посвящены несколько книг В.А. Тишкова, основанный при его активном участии журнал и огромное количество статей и публичных выступлений на всевозможных форумах (лишь часть из них издана в сборнике его публицистики «Этнология и политика»). Не всегда понятно, почему тем или иным ученым вручают Государственную премию, но когда в июне 2015 г. было принято решение о ее присуждении В.А. Тишкову, никаких вопросов не возникло.

При этом речь идет о человеке из интеллигентной (его родители были учителями), но очень скромно жившей семьи из уральской провинции, достигшем всего исключительно собственным трудом. Валерий Александрович родился в г. Нижние Серги Свердловской области. «Город возник вокруг основанного в 1743 г. Акинфием Демидовым металлургического завода, – рассказывает Валерий Александрович! – Землю Демидов купил у башкир, а работников привезли из центральных областей (говорят, что, главным образом, – из крепостных крестьян Калужской губернии, которых местное население называло гамаюнами). Для производства металла была нужна не только местная руда, но и вода, поэтому через речку построили плотину (она до сих пор стоит на своем месте) и между покрытых хвойным лесом гор образовался зигзагообразный пруд длиной 4–5 километров. По берегам нижней части пруда, а также ниже по течению реки и вдоль заводских корпусов расположился со временем и весь город – довольно типичный малый рабочий городок».

Родился В.А. Тишков в пятый месяц Отечественной войны, уже после того, как отец его ушел на фронт. Прошедшего нацистский плен и потом советский так называемый «фильтрационный лагерь» отца Александра Ивановича (1912–1983) его старший сын (у В.А. Тишкова – двое младших братьев: Евгений – врач, кандидат медицинских наук; Леонид – известный художник) впервые увидел, когда ему уже шел пятый год!.. Послевоенная жизнь была трудной. «Жили скромно, – вспоминает Валерий Александрович, – из мебели – три железных кровати (у родителей – никелированная с дугами и блестящими шариками, которые я любил откручивать), стол и жесткий диванчик венского типа, несколько стульев, часть которых использовалась как подставки для цветов (фикус, столетник и “роза”, которая цвела раз или два за все мое детство). Настольную лампу я сделал сам, когда уже учился в старших классах и стал много читать, лежа в кровати, чтобы не мешать спать родителям и младшим братьям. “Держали” корову до тех пор, пока Н.С. Хрущёв в конце 1950-х годов не распорядился кончать с личными хозяйствами и сдавать коров в колхозы. Я ездил “на покос” на велосипеде за десять километров (почему-то сенокосные делянки намеренно выдавали подальше от города), а отец и мать ходили пешком. Мне на раму привязывали сначала косы, а потом очередь доходила до грабель и вил».

«В школе я учился хорошо, потому что родители внушали: сын учителей не должен учиться плохо. Хотя родители мои работали в других школах – они не хотели, чтобы я учился в той же школе, где они преподавали, чтобы это не оказывало влияния». Однако в старших классах вредные

¹ Здесь и далее приводятся фрагменты бесед автора статьи с В.А. Тишковым.

привычки начали брать свое. «На летних каникулах перед десятым классом учительница литературы Нина Васильевна Малинина (они с мужем оба были из Ленинграда) сказала, что “если хочешь получить золотую медаль, тогда кончай играть в карты”. И еще она мне сказала: “Если ты хочешь в университет, если ты хочешь в Москву, то давай будем писать сочинения, читать, и я с тобой буду заниматься”. Она преподавала у нас литературу, а муж ее – историю, предмет, который я очень полюбил именно благодаря ему», – делится воспоминаниями Валерий Александрович.

Школу В.А. Тишков окончил с золотой медалью, организовав к тому же несколько туристских походов, в которых проявились его лидерские качества. «Нина Васильевна настроила меня поступать в МГУ – абсолютно дерзновенная мысль в местной среде. Отец не хотел давать денег на поездку в Москву, говоря мне: “Зря прокатаешься”. Но мама, за которой всегда было последнее слово, сказала: “Раз хочет, пусть едет”». И в 1959 г. В.А. Тишков – первым из жителей своего родного города! – поступил на исторический факультет МГУ. В те годы, однако, просто поступить в университет и учиться ребятам, не имевшим трудового стажа, было невозможно: первый год они должны были учиться на заочном отделении, параллельно работая. Поэтому, хотя он был зачислен студентом МГУ, В.А. Тишков сразу же после сдачи вступительных экзаменов (всего их было четыре) вернулся в Нижние Серги. «Надо было работать, и мама сказала: “Ну, иди ко мне в школу <...> И раз уж ты – студент истфака МГУ, то мы тебе дадим в пятых-шестых классах преподавать историю, и еще веди занятия по физкультуре”. И первый год, с сентября 1959 по июнь 1960 года, я работал учителем в Нижне-сергинской семилетней школе № 5. Это – первая запись в моей трудовой книжке, – рассказывает Валерий Александрович. – Так я отучился год заочно, и ездил зимой на сессию, а со второго курса уже перешел на нормальное обучение. Нина Васильевна писала мне письма в то время, когда я уже учился в университете. И это были письма человека, которая справедливо считала себя причастным к тем переменам в судьбе, которые произошли с ее учеником».

В.А. Тишков всю свою профессиональную жизнь занимается новейшей историей, и мало кто знает, что свою первую курсовую работу он писал по «Русской Правде» – памятнику древнерусского права XI в. Руководителем его была известный историк Эсфирь Борисовна Генкина (1901–1978). Отсканированную версию «Русской правды» в 1960 г. в Интернет еще никто выложить не мог, и для того, чтобы иметь возможность прочитать этот документ, студент-первокурсник больше месяца ждал своей очереди в университетской библиотеке им. А.М. Горького. Воистину, за прошедшие с тех пор 55 лет возможности ведения научной работы студентами-гуманитариями выросли

на порядки; жаль, впрочем, что подавляющее их большинство этими возможностями не пользуется.

В начале третьего курса у В.А. Тишкова возник первый в его жизни отчетливо диссидентский конфликт на почве изучения истории. Прочитав на английском языке книгу Исаака Дойчера (1907–1967) «Сталин. Политическая биография», которую ему дал учившийся тогда же в МГУ американский стажер Мартин Малиа (1924–2004), позднее ставший известнейшим специалистом по российской истории, В.А. Тишков на занятиях, которые вел доцент А.Н. Ацаркин (1904–1988), автор давно забытых официозных книг «Под большевистским знаменем», «Комсомол в борьбе с троцкизмом» и им подобных, стал говорить про репрессии, депортации и другие тогда еще не обнародованные факты советской истории. Ацаркин собрал в связи с этим специальное партийное собрание, разумеется, осудившее В.А. Тишкова за «клеветнические измышления» об истории родной страны. Этот инцидент побудил студента-третьекурсника уйти в изучение истории других стран; тогдашний заместитель заведующего (а с 1983 по 2008 г. – заведующий) кафедрой новой и новейшей истории профессор Евгений Федорович Языкков (1923–2009) согласился принять его на специализацию по истории США. «Пригодилось мое знание английского языка, который я прилично выучил на чтении упомянутой литературы и на общежитских контактах с американскими стажерами, проживавшими на Ленинских горах. Те, с кем я был хорошо знаком, стали потом известными учеными. Прежде всего это историки: покойный Мартин Малиа (Martin Malia), почетный доктор РАН Терри Эммонс (Terrence Emmons), профессор Ричард Хелли (Richard Helly), а также психолог Майкл Коул (Michael Cole)», – рассказывает В.А. Тишков.

В.А. Тишкову удалось тогда избежать больших неприятностей, но о том, что произошло в 1963 г. со ставшим позднее известным мыслителем-диссидентом Андреем Алексеевичем Амальриком (1938–1980), академик с болью в сердце вспоминает до сих пор. «Самое мерзкое воспоминание – это собрание истфака, на котором исключали из комсомола Андрея Амальрика¹ по публичному доносу академика

¹ Судьба А.А. Амальрика – одного из самых незаурядных мыслителей 60–70-х гг. XX в. – сложилась трагически. Он активно участвовал в молодежных демонстрациях на Пушкинской площади, был в мае 1965 г. арестован и осужден к двум с половиной годам ссылки в Сибирь за тунеядство. Был досрочно освобожден в 1966 г., вернулся в Москву и в 1969 г. написал имевшую большой резонанс книгу-эссе «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?», после чего был арестован, приговорен к трем годам лагерей за «распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский общественный и государственный строй». В день окончания срока заключения против Амальрика было возбуждено новое дело, в июле 1973 г. он был снова приговорен к трем годам лагерей. После голодовки протеста приговор был изменен на три года ссылки в Магадан. Амальрик возвратился в Москву в 1975 г., год спустя был вынужден эмигрировать, а в 1980 г. погиб в автомобильной катастрофе в Испании.

Б.А. Рыбакова¹ за курсовую работу этого студента по истории Киевской Руси в духе норманской теории. Пожалуй, это был единственный случай своего рода идеологического скандала за все время моего обучения в МГУ: все-таки начало 1960-х гг. было временем той самой “оттепели”.

Валерий Александрович справедливо указывает, что в наши дни «существует разрыв между популярной и кабинетной историей, и не только разрыв, а крайне нежелательное для общества отчуждение одной от другой». В годы, когда он учился, разрыв, однако, существовал не менее значимый: между историческими исследованиями, опирающимися на весь доступный корпус документов, и идеологически цензурированными фрагментарными версиями.

Дипломную работу по теме «Позиция США на Потсдамской конференции» В.А. Тишков писал под руководством тогда доцента, а позднее – академика Григория Николаевича Севостьянова (1919–2013), оказавшего большое влияние на его судьбу. Уже на третьем курсе В.А. Тишков получил доступ в спецхран ИИИ РАН, тогда называвшегося Фундаментальной библиотекой общественных наук (ФБОН). Свою курсовую, а потом дипломную работу он делал на основе документов и литературы, с которыми знакомился в спецхране ФБОНа на улице Маркса–Энгельса. Ныне часть улицы называется Малый Знаменский переулок, другая часть – Староваганьковский переулок. В наши дни в этом здании на углу улицы Знаменка и Малого Знаменского переулка находится Библиотека по естественным наукам РАН. «На ряде книг в формуляре передо мной стояла фамилия только одного читателя – академика Ивана Михайловича Майского (1884–1975), – вспоминает В.А. Тишков. – Мне Терри Эммонс,

¹ Борис Александрович Рыбаков (1908–2001), по свидетельствам людей, хорошо его знавших, был человеком мстительным, грубым и резким, совершенно нетерпимым ни к какому инакомыслию. В конце 1940-х – начале 1950-х гг. Рыбаков участвовал в позорной кампании против «безродных космополитов». В позднесталинские годы он был деканом исторического факультета и проректором МГУ. На протяжении тридцати лет Рыбаков был директором Института археологии Академии наук (1956–1987), а какое-то время – еще и директором Института истории СССР и академиком-секретарем Отделения истории Академии наук. Он получил все высшие государственные награды. В последние десятилетия его воззрения критикуются специалистами как изобилующие ошибками, усугубляющимися в связи с незнанием им иностранных языков и незнанием с зарубежной научной литературой. Директор Института российской истории РАН А.П. Новосельцев (1933–1995) в статье «“Мир истории” или миф истории?» (журнал «Вопросы истории». 1993. № 1. С. 32) суммировал свой анализ выводом о том, что «его фантазия создает порой впечатляющие (для неспециалистов) картины прошлого, не имеющие, однако, ничего общего с тем, что мы знаем из сохранившихся источников. Любая наука нуждается в гипотезах, но то, что делает с историей Руси Б.А. Рыбаков, к научным гипотезам отнести нельзя».

когда я уже был ближе к диплому, привез огромный двухтомник, изданный Госдепартаментом США в серии *Foreign Relations of The United States*, называвшийся *The Conference of Berlin (The Potsdam Conference)*. На этих материалах и базировалась моя дипломная работа (она была объемом 150 страниц), которую я в 1964 году защитил на “отлично”. Больше я этой темой не занимался, тем более, академик А.Л. Нарочницкий, когда я поступил в 1966 году в аспирантуру, сказал: “Архивы тебе не откроют”. Про секретные протоколы к Пакту Молотова–Риббентропа я тогда толком ничего не знал, что-то было написано в некоторых книгах, но без подробностей. Даже в спецхране Фундаментальной библиотеки по общественным наукам не было об этом ничего».

Первый год в Москве В.А. Тишков жил в общежитии на улице Стромынка – в том самом, где жил и познакомился со своей будущей женой Раисой М.С. Горбачёв. Комнаты были на шесть-восемь человек, из мебели – только кровати с проваленными панцирными сетками и прикроватные тумбочки. В сентябре 1961 г. В.А. Тишков получил место в общежитии МГУ в корпусе на Ленинских горах, где прожил три года, до окончания учебы в университете в 1964 г. Иногородние студенты не могли оставаться работать в столице из-за ограничений на прописку и были обязаны уезжать работать в другие города, кроме тех немногих, кто сразу поступал учиться в очную аспирантуру по рекомендации после окончания вуза.

У В.А. Тишкова не было московской прописки, но была рекомендация в аспирантуру. Однако тогдашний председатель комиссии по распределению молодежи заместитель декана факультета Ю.С. Кукушкин (ныне – академик РАН) предложил В.А. Тишкову место одного из преподавателей-основателей исторического факультета пединститута в Магадане. В.А. Тишков решил уехать на Крайний Север преподавать в вузе в надежде, что в Москву можно будет вернуться через несколько лет. Тогда же в Магадан создавать тот же факультет согласились поехать Вольдемар Николаевич Балязин (1931–2005), позднее получивший известность как автор десятков исторических романов, и его супруга Марина Павловна Павлова-Сильванская, с 1995 г. бывшая редактором журнала «Pro et Contra» Московского Центра Карнеги. Годом позднее приехал еще один выпускник МГУ – философ Эдуард Фёдорович Володин (1939–2001), ставший после возвращения в Москву в конце 1970-х гг. (после десяти лет в Магадане он еще успел поработать в Новгороде) одним из лидеров русского национал-патриотического движения. «Попасть на работу преподавателем в вуз после окончания университета было практически невозможно, только если ассистентом, да и то если повезет, ведь в наших дипломах

было написано “учитель истории и обществоведения”, и почти все так и устраивались – в школы. Поэтому поездка в Магадан давала большие перспективы профессионального роста, – искренне рассказывает Валерий Александрович. – Кстати, из моего выпуска уехал работать в хабаровский вуз еще один мой университетский друг Михаил Матвеевич Наринский – ныне профессор МГИМО и известный историк Европы и международных отношений».

В.А. Тишков был назначен в Магаданском педагогическом институте на должность старшего преподавателя, получил комнату в преподавательском общежитии – и обещание через два года быть направленным в целевую аспирантуру. В свой первый год в Магадане В.А. Тишков вел годовые курсы по новой и новейшей истории стран Запада и Востока для студентов четвертого и пятого курса, а также курс по историографии. «Еще оставались артефакты трагической истории края: брошенные территории лагерей, какие-то случайные могилы почти без надгробий и, наконец, здание с особым пропускным режимом – архив Дальстроя. До сих пор жалею, что не стал в нем работать над документами, а продолжал заниматься далекой от меня канадской историей», – говорит спустя полвека Валерий Александрович. Летом 1965 г., когда ему было всего 24 года, он стал деканом историко-филологического факультета Магаданского педагогического института.

В Магадане В.А. Тишков вновь столкнулся с идеологической проработкой: «После общежития МГУ на Ленинских горах, где у меня были знакомые из числа американских стажеров, у меня остались кое-какие предметы, подаренные американцами. Среди них была долгоиграющая пластинка с записью концерта американской певицы Джоан Баэз. Это были антивоенные песни протеста – прежде всего, протеста против американской войны во Вьетнаме. На местном телевидении я рассказал о молодежном движении протеста в США и упомянул, в том числе, о том, что многие молодые американцы отказываются служить в армии по причине антивоенных настроений. На мою беду смотрел ту передачу и тогдашний первый секретарь обкома П.Я. Афанасьев (1905–1989). Он вызвал меня к себе “на ковер” уже на следующий день и стал наставлять, что мне, как молодому преподавателю, да еще и выбранному секретарю комитета ВЛКСМ всей институтской организации, нужно быть политически “более зрелым”. А проблема была всего лишь в том, что и наши молодые ребята могут последовать американскому примеру и начнут массово “косить от армии”».

Отработав положенные молодому специалисту два года, В.А. Тишков в 1966 г. отправился в Москву поступать в аспирантуру. Поступал он сразу в два места – в Московский государственный педагогический

институт им. В.И. Ленина (МГПИ), где сдавал вступительный экзамен будущему академику А.Л. Нарочницкому, и в Институт истории АН СССР. Все экзамены В.А. Тишков сдал на пятерки и мог поступить в оба института, но фактически решение о том, где ему работать над диссертацией, принял Алексей Леонтьевич Нарочницкий (1907–1989), с 1960 г. бывший заведующим кафедрой новой и новейшей истории МГПИ. (В 1974 г. он возглавил Институт истории СССР Академии наук).

Выбрав в качестве темы для изучения раннюю историю Канады, В.А. Тишков нашел в Государственной библиотеке СССР им. В.И. Ленина (ныне – Российская государственная библиотека) канадские газеты 30-х годов XIX в., а также большой объем документов, которые ранее никогда не использовались отечественными учеными. Уже после его защиты на банкете в ресторане «Славянский базар» А.Л. Нарочницкий заметил: «Я вместе с аспирантом узнавал историю этой страны».

Кандидатскую диссертацию В.А. Тишков защитил, ни разу не побывав в Канаде, его первая поездка туда состоялась в 1972 г., спустя три года после окончания аспирантуры (впервые он оказался за границей в 1967 г., но лишь в ГДР). Путь от защиты диссертации до ее публикации оказался существенно более длительным, чем время работы над самой диссертацией. Свою первую книгу о Канаде – она озаглавлена «Страна кленового листа: начало истории» – В.А. Тишкову удалось издать только в 1977 г. Спустя год была опубликована его вторая монография об этой стране, озаглавленная «Освободительное движение в колониальной Канаде»; за нее ему в 1979 г. была присуждена степень доктора исторических наук.

После защиты кандидатской диссертации В.А. Тишков снова уехал в Магадан. «Там некому было читать лекции по новой и новейшей истории, и студенты пропускали этот курс в течение трех лет, пока я был в аспирантуре, – рассказывает он. – Когда я закончил аспирантуру, то стремился остаться в Москве – к тому же я только что женился на Ларисе Михайловне Никишовой, искусствоведе из Третьяковской галереи и тоже выпускнице истфака МГУ. Но аспирантура была целевой – я обязан был вернуться в вуз, который меня делегировал. Подошло три курса, где новая и новейшая история стран Европы и Америки не читалась. Поэтому я поехал туда читать эти курсы, чтобы студенты могли закончить вуз и получить диплом, чтобы у них не стоял пропуск по этим специальностям. Уехал сразу после свадьбы в январе 1970 года. В Магадане мы получили двухкомнатную квартиру. Там в апреле 1971 года у нас родился сын. Второе пребывание на Крайнем Севере также продолжалось два года. Наука и Москва тянули к себе, а А.Л. Нарочницкий писал мне, что у него освобождается на кафедре место доцента, и он хотел бы

меня взять на работу. Г.Н. Севостьянов обещал место в своем секторе истории США и Канады в Институте всеобщей истории».

Летом 1972 г. В.А. Тишков вернулся в Москву. С тех пор – вот уже 44 года – судьба его неразрывно связана с Академией наук. До 1976 г. он работал в Институте всеобщей истории, затем – ученым секретарем Отделения истории АН СССР (до него этот пост занимали Ю.В. Бромлей и А.О. Чубарьян, позднее ставшие академиками и директорами академических институтов), а с 1982 г. – в Институте этнографии, позднее переименованном в Институт этнологии и антропологии, где он сначала возглавил сектор народов Америки, а в 1989 г. был избран директором. «В Институте я нашел поддержку со стороны многих выдающихся специалистов: ныне покойного академика Валерия Павловича Алексеева (1929–1991), члена-корреспондента Академии наук Сергея Александровича Арутюнова, профессора Соломона Ильича Брука (1920–1996) и, конечно, прежнего директора Юлиана Владимировича Бромлея (1921–1990)», – благодарно вспоминает В.А. Тишков.

Биография В.А. Тишкова – это биография человека, поднявшегося совершенно самостоятельно, это советское воплощение мечты о *self-made man*, который нашел себя и в постсоветскую эпоху, чем дальше, тем больше видя свою задачу не только в научной работе как таковой, но и в гражданском служении Родине. Хотя он является в настоящее время одним из самых статусных историков страны, собственно историей В.А. Тишков занимался, преимущественно, в свои молодые годы, причем в области североамериканских исследований, которая обычно не ассоциируется с высшими достижениями российских гуманитарных наук. К руководству Отделением историко-филологических наук, объединявшим под своим началом 17 научных институтов, один из которых он возглавлял на протяжении четверти века, В.А. Тишков пришел сравнительно недавно и с не самых выигрышных позиций: он не изучал древние языки, не руководил археологическими раскопками и не был причастен к созданию очередных томов «пушкинианы» или «истории декабристов». Начав свой научный путь как историк Канады и проведя в 1980 г., на пике «холодной войны», два месяца в США, В.А. Тишков стал известен в научных кругах отнюдь не только России как автор двух важнейших книг: «Реквием по этносу» и «Общество в вооруженном конфликте. Этнография Чеченской войны» (она была издана и в переводе на английский издательством Калифорнийского университета и высоко оценена в научном мире). На сегодняшний день именно академик В.А. Тишков – самый известный и цитируемый в мире российский ученый-гуманитарий, занимающийся вопросами этнокультурного развития, конфликтов, этнонационального и гражданского сознания.

При этом, его фигура вызывает у разных политических сил неоднозначные, порой полярные, эмоции: «Евразийский союз молодежи» обвинял академика в том, что он будто бы «занимается социальным шпионажем (так!) в пользу западных спецслужб», а бывший посол США в Москве Джон Байерли в телеграмме, пафосно озаглавленной «Угрожает ли тень Сталина академической свободе?», наоборот, докладывал летом 2009 г. в Государственный департамент о том, что академик – правофланговый правительственной политико-идеологической кампании борьбы с «фальсификациями истории в ущерб интересам России». Очевидно, и те, и другие глупости бесконечно далеки от подлинного положения вещей.

Созданная Валерием Тишковым более двадцати лет назад «Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов», несмотря на очевидную важность в такой многонациональной и многоконфессиональной стране, как Российская Федерация, имела непростую судьбу: подготовленные ее сотрудниками доклады чаще игнорировались властями, чем внимательно читались, а двое ее экспертов (Ильдар Габдрафиков – в 2009 г. и Михаил Савва – в 2013 г.) даже оказались под судом. В.А. Тишков заступался за обоих, делая это осторожно, но твердо и с достоинством: диалог с властью принципиально важен для него, ибо является необходимым условием строительства российской гражданской нации, которое стало главным делом его жизни.

В.А. Тишков, о котором его хулители многократно писали невероятные гадости, представляя его деятелем, будто бы стремящимся разрушить русский народ, является одним из тех подлинных патриотов своей страны, искренне болеющим за ее судьбу всегда и везде, где бы он ни находился. Иным людям возможности, предоставляемые административными позициями, важны для того, чтобы иметь большие просторы для ведения собственной научной деятельности. В судьбе В.А. Тишкова все обстоит ровно наоборот: главное, для чего служит завоеванный им в науке статус – делу строительства российской гражданской нации, укреплению внутреннего единства российского общества, всем немалым внутренним различиям вопреки.

Изначальные научные интересы Валерия Александровича были, прямо скажем, довольно далеки от интересов подавляющего большинства сограждан, которые мало интересуются историей далекой Канады. Не факт, впрочем, что эти «интересы» были по-настоящему важны и ему самому: он, скорее, делал порученное дело, и коль скоро Канада – одна из крупнейших стран мира, а книг по ее истории на русском языке не было, их надо было написать, и этим он и занимался, заполняя лакуны. Чувство долга, ответственность и интеллектуальная самодисциплина –

важнейшие качества, но куда естественнее, когда они направляются на то, что кажется самым важным самому человеку (а В.А. Тишков, прежде всего, именно человек, причем не «в футляре»), а, напротив, очень живой и искренний). Как представляется, его уход от североамериканской проблематики в пользу тем, касающихся актуальных этнополитических процессов в Российской Федерации, связан именно с его миссией не столько ученого, сколько человека и гражданина, искренне радеющего за свою большую и малую родину, их настоящее и будущее.

«Наблюдая много лет за жизнью ученых, я пришел к выводу: научное творчество (точнее – работа) привлекает особый род людей, менее одержимых жизненным преуспеванием, но любящих самоорганизацию и не терпящих внешних вмешательств. Признаюсь, что за четверть века уверенного директорства мне не удалось изменить выбранную или навязать новую тему ни одному своему сотруднику, – суммирует свой опыт В.А. Тишков. – Привлечь к новым проектам с финансированием еще можно, но и это только в случае, если ученый сам себе не обеспечил исследовательский грант или не погружен в любимую тему. Это не означает, что научная политика невозможна. Решающими факторами являются новые теории или методологии, а также сама общественная практика, которая ставит свои задачи каждодневно».

Слова о том, что «сама общественная практика ставит свои задачи каждодневно» мало к кому из ученых применимы больше, чем к самому Валерию Александровичу. В истории российской общественной мысли имя В.А. Тишкова останется именно как символ, выражаясь термином американского философа Майкла Уолцера, «вовлеченного социального критика», который ищет на поднимаемые им вопросы разумные и практически реализуемые ответы. В Российской академии наук были и есть люди неординарных судеб, всю жизнь пробывшие на госслужбе, в т.ч. в спецслужбах, к науке имеющие при этом весьма опосредованное отношение, а есть не менее интересные люди, мнения которых по вызывающим споры вопросам, имеющим общественное значение, не известны никому, кроме их близких, при том, что их научные достижения могут быть весьма и весьма весомыми. В российской науке есть люди, имеющие больший, чем В.А. Тишков, опыт государственного деятеля, больший опыт вовлеченности в международные проекты, больший экспедиционно-исследовательский опыт, больший языковой багаж и интеллектуальный кругозор, но нет, кажется, никого, кто бы сочетал широкий теоретический кругозор, неимоверно успешный опыт организатора научно-исследовательских и издательских проектов и программ первостепенного значения с многолетней продуктивной работой во всевозможных государственных и международных институтах, кто бы так много

ездил по стране и чьи впечатления при этом не искажены всевозможными доброхотами, посредниками и советниками. Уникальность судьбы В.А. Тишкова именно в *синтезе* пути ученого, общественного и государственного деятеля, вдохновителя ряда гражданских инициатив, активного участника ряда международных гуманитарно-политических программ.

Он возглавил Институт этнологии и антропологии РАН, носивший тогда название Института этнографии, когда ему не было и пятидесяти, став лидером коллектива, отдельные сотрудники которого могли рассказать ему куда больше, чем он мог рассказать им. В.А. Тишков всегда умел, не ленился и не стеснялся учиться, причем как у тех, кто его старше, так и у тех, кто его моложе. «Исповедуя своего рода методологический индивидуализм и предрасположенность к научным инновациям, я всегда считал одним из принципов научной деятельности внимание к вопросам научной преемственности и воздание должного вклада в науку представителям старшего поколения, – отмечает он. – Именно по этой причине я провел серию разговоров-интервью с выдающимися представителями отечественной этнологии (Л.П. Потапов, Т.И. Жданко, С.И. Брук, К.В. Чистов, С.И. Вайнштейн, Е.П. Бусыгин), которую завершил изданием в 2008 году отдельной книги “Наука и жизнь: разговоры с этнографами”. Эти интервью – своего рода попытка рефлексии в рамках собственной дисциплины. Этим же интересом продиктована и моя работа во главе редколлегии серии “Этнографическая библиотека”, выпустившей ряд научно откомментированных трудов классиков зарубежной и отечественной антропологии и этнологии».

В.А. Тишков никого не подавлял, никому не мешал оставаться собой и никому не препятствовал в развитии его личностного потенциала, о чем, в частности, рассказывал покойный академик РАО И.С. Кон (1928–2011), бывший сотрудником руководимого В.А. Тишковым института до последнего дня своей жизни. Понятно, однако, что, как везде, среди почти двухсот сотрудников и аспирантов Института этнологии и антропологии отнюдь не все и не всегда делали и делают то, что делали и делают, на высоком научном уровне – ученых калибра С.А. Арутюнова и В.А. Шнирельмана, увы, невозможно клонировать. В одном учреждении нескольких сотен профессионалов и интеллектуалов такого масштаба быть не может. Однако за четверть века руководства институтом Валерий Александрович вывел его на рубежи, о которых до его прихода и не мечталось. Пройдут годы и десятилетия, а период его директорства будет восприниматься как золотая эпоха института. Именно в эти годы Институтом этнологии была выпущена прекрасная серия книг «Народы и культуры», энциклопедия и атлас религий и культур «Народы России», энциклопедия «Народы и религии мира» и другие знаковые издания.

Академия наук и ее историко-филологическое отделение, которое ныне возглавляет В.А. Тишков, – структуры, в состав которых входили и входят многие очень серьезные ученые, однако нельзя забывать о том, что некоторые поистине выдающиеся мыслители, составляющие славу и гордость российской гуманитарной мысли, как, например, М.М. Бахтин, Ю.М. Лотман, В.В. Библихин и А.Я. Гуревич, никогда не были избраны академиками. При этом очевидно, что проталкиваемая в настоящее время реформа РАН имеет преимущественно негативный эффект, разрушая то, что работает в целом лучше, чем большинство других российских институций. Так сложилось, что именно В.А. Тишков, как один из членов Президиума РАН и глава ее гуманитарного отделения, является одним из «стражей у ворот», призванных остановить нашествие неофитов. Уверенности в том, что эти усилия не тщетны, нет ни у кого, но можно ли опускать руки?! Как бы там ни было, сдаваться без борьбы – точно не в характере В.А. Тишкова, и Академии, пожалуй, очень повезло, что на этом месте в нынешние турбулентные для российской науки (и не только науки) времена оказался именно он.

При этом В.А. Тишков – человек, если так можно выразиться, «елцинского склада», для нынешнего руководства страны он социально-культурологически хоть и не «чужой», но явно не «свой». В советское время он, как и нынешние руководители Российской Федерации, состоял в партии, но, в отличие от большинства из них, никогда не был связан с органами госбезопасности. Он не бессеребренник, но человек скромный, неприхотливый и ни с какой стороны не рвач. Несмотря на статусные регалии, он и поныне живет в обычной городской квартире довольно далеко от центра в доме, в котором нет ни охраны, ни бассейна, ни чего бы то ни было еще, что отличает элитное жилье, в изобилии понастроенное в последние годы в Москве. Будучи министром, он оставался директором Института этнографии, не получая за это никакой заработной платы. В отличие от иных академиков, он не состоит в советах директоров банков или нефтегазовых компаний, не пытается извлечь из своего статуса никаких дополнительных материальных выгод – черта, прямо скажем, редкая в сегодняшней России.

В.А. Тишков – не наивный мечтатель и не отвлеченный теоретик, он двумя ногами стоит на земле, его личная порядочность, в т.ч. финансовая, – не следствие того, что он не понимает, зачем людям бытовой комфорт и деньги (такой феномен встречается среди интеллектуалов), а личный выбор. Выбор, всем чертям назло, оставаться порядочным, искренним, честным человеком, стараясь свести к минимуму необходимость компромиссов с совестью, от которых не избавлен никто из нас. При этом Валерий Александрович не бросается на амбразуры и не ищет

буйки, чтобы специально заплыть за них; понимая, что люди – разные, он ищет компромисс и верит в диалог, стараясь не наломать дров, по возможности, помогая там и тем, где и кому можно помочь. «Оглядываясь на прожитое, могу сказать, что инициатива и равнодушие не только наказуемы, но и вознаграждаемы», – скромно говорит В.А. Тишков, никогда не напоминая о тех многочисленных добрых делах, за которые его благодарили и благодарят самые разные люди.

В наши дни слишком во многих странах усиливаются и набирают популярность национал-изоляционистские тенденции, ставящие под удар и национально-гражданское согласие в отдельных государствах, и стабильный мировой порядок в целом. «Нетерпимость выступает противником многообразия, которое составляет важнейший фактор человеческого развития. Нетерпимость подрывает принципы демократии и приводит к нарушению прав человека», – отмечал В.А. Тишков в своем первом докладе в Общественной палате. Нетерпимость эта, однако, проявляет себя все острее и чаще; векторы мультикультурализма, «единства в многообразии» и «празднования различий» (*celebration of diversities*), доминировавшие на рубеже XX и XXI вв., трещат по швам под натиском нового всплеска нетерпимости национальной в одних странах и нетерпимости религиозной – в других. В.А. Тишков развивает концепции «многонародной нации», «нации наций»; с течением времени, однако, все меньшее число людей к таким нациям хотят принадлежать, стремясь обособиться и совсем не только символически отгородиться от остальных: шокирующие итоги референдума в Великобритании о выходе из Европейского Союза, триумфальная кампания популиста Д. Трампа в Республиканской партии США, в значительной степени построенная на мигрантофобии, и неуклонный рост популярности националистических партий во Франции, Австрии, Нидерландах, Швеции, Польше и других странах Европы – самые свежие примеры этих тенденций. Наиболее известная книга В.А. Тишкова, озаглавленная «Реквием по этносу», явно нуждается, поэтому, в обновлении и переиздании. Пожелаем же автору, чтобы у него нашлись на это и время, и силы.

С юбилеем Вас, Валерий Александрович! Многие лета!

А.Д. Эпштейн,
доктор социологических наук,
член редколлегии журнала
«ЛОКУС: люди, общество, культуры, смыслы»